

ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ PHILOSOPHY, PHILOLOGY, CULTURAL STUDIES

УДК 82:27-1
ББК 84-5:86.37

Наталья Васильевна Дзущева

Независимый исследователь, доктор филологических наук, профессор, Россия, Иваново,
e-mail: starova@bk.ru

«Тропой прямой, тропую тесной...» (Новозаветные сюжеты в «Римском дневнике 1944 года» Вяч. Иванова: Апостолы)

Аннотация. Исследуются отдельные эпизоды «евангельского текста» «Римского дневника 1944 года» Вяч. Иванова, своеобразного «закатного» цикла поэта. Особое внимание уделяется месту этого цикла в творческом наследии поэта. Указывается, что дневниковый характер стихотворного высказывания подчеркивает лирически-исповедальную тональность текстов, входящих в «Римский дневник 1944 года». Проводится подробный анализ стихотворений, сюжетную канву которых определяет апостольская тематика. Отмечается различие творческой трактовки Вяч. Ивановым евангельских эпизодов, связанных с апостолами, и соответствующих новозаветных сюжетов, что подчеркивает обостренно личностный характер ивановской интерпретации этих текстов. Уделяется специальное внимание историко-культурному контексту исследуемых произведений. В результате в творческий контекст поэзии Вяч. Иванова вводится понятие эонотопоса. В пределах данного понятия выявляется нерасторжимая (сущностная) связь поздних лет его биографии и общехристианской «тропы» к Богу. Специальное внимание уделяется важному и потому до сих пор обсуждаемому вопросу о принятии Вяч. Ивановым католичества по формуле Вл. Соловьёва. Обозначенная проблематика вводит анализируемые стихи в контекст общеевропейской культурно-философской мысли XX века. В связи с этим в анализируемых поэтических текстах выявляются имена святых, одинаково почитаемых как в католической, так и в православной традиции. Тем самым отмечается культурно-историческое и культурно-философское значение поэтических интуиций Вяч. Иванова, выражающих идею общего христианского единения в лоне Вселенской церкви.

Ключевые слова: «евангельский текст», апостольский сюжет, «закатный» цикл Вяч. Иванова, исповедальная тональность, историко-культурный контекст, религиозно-философский контекст, литургический дискурс, эонотопос, иконообраз Вечности

Natalia Vasilievna Dzutseva

Independent researcher, Doctor of Philology, Professor, Russia, Ivanovo, e-mail: starova@bk.ru

“A Straight Path, a Narrow Path ...” (New Testament Plots in the “Roman Diary of 1944” by Vyacheslav Ivanov: The Apostles)

Abstract. In this article, a number of selected episodes of the “Gospel text” taken from Vyacheslav Ivanov’s “Roman Diary of 1944” – a kind of “sunset” cycle of the poet – are investigated. Particular attention is paid to the place of this cycle within the poet’s creative output. It is observed that the diary-style of the poetry emphasizes the lyrical and confessional tonality of the texts included in the “Roman Diary of 1944.” A detailed analysis of the poems, whose plot is defined by the apostolic theme, is carried out. In particular, the difference between Vyacheslav Ivanov’s creative interpretation of the Gospel episodes concerning the apostles and the corresponding New Testament passages – a difference that emphasizes the strong personal nature of Ivanov’s interpretation of these texts – is highlighted. Special attention is also paid to the historical and cultural context of the works considered. As a result, the concept of “aiontopos” will be introduced into the creative context of Vyacheslav Ivanov’s poetry. Within this concept, the inseparable (essential) link between the later years of his biography and the common Christian “path” to God is revealed. Special attention is paid to the important and still debated issue concerning Vyacheslav Ivanov’s acceptance of Catholicism according to Vladimir Solovyov’s formula. This entire issue introduces the analyzed verses into the context of the general European cultural and philosophical thought of the twentieth century. In this regard, the analyzed poetic texts indicate the names of the saints equally worshiped in both the Catholic and Orthodox traditions. In this way, the cultural-historical and cultural-philosophical relevance of Vyacheslav Ivanov’s poetic intuitions, the ones that express the idea of a common Christian unity in the bosom of the Universal Church, is remarked.

Key words: “Gospel Text,” Apostolic Plot, Vyacheslav Ivanov’s “Sunset” Cycle, Confessional Tonality, Historical and Cultural Context, Religious and Philosophical Context, Liturgical Discourse, Aiontopos, Icon Image of Eternity

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.3.168-181

Исследования евангельского текста в художественной литературе уже имеют свою историю. В последние годы авторы этих научных разысканий заметно активизировались, особенно в аспекте религиозного сознания Вяч. Иванова, поэзия которого может определяться как «христианское умозрение в поэтическом слове»¹. Еще С. Аверинцев наметил своеобразную эволюцию поэти-

¹ Измайлов Р.Р. «Богословский текст» в русской поэзии второй половины XX века / Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 93.

ческого воплощения Новозаветного текста в ивановском поэтическом универсуме: «Мы вправе констатировать существенное и органическое присутствие христианских мотивов уже в “Кормчих звездах”, их развитие, обогащение и усложнение, но также и замутнение в первом томе “Сог Ardens”, а затем, в общем, все большее очищение, все большая строгость и ясность» [2, с. 783].

Замечание ученого в последней части этой цитаты в большей мере относится к «Римскому дневнику 1944 года», «закатному» циклу поэта, ставшему его последним лирически емким религиозно-философским высказыванием в рамках крупной поэтической формы². «Есть внутреннему опыту словесное означенное, и он ищет его, и без него тоскует, ибо от избытка сердца глаголят уста» [4, с. 15] – этими словами можно передать внутреннюю мотивацию лирико-философских откровений и размышлений автора «Римского дневника», написанного в конце его долгой и сложной жизни. «Форма дневника определяет свободу лирического «голосоведения» в этом цикле: здесь мы сталкиваемся с разнообразием жанрово-стилевого оформления лирико-философской рефлексии; особую тональность и обнаженно-личный акцент обретают превалирующие здесь лирические признания, несущие в себе исповедальные интенции. Но это только усиливает звучание главных универсалий поэтического сознания Вяч. Иванова: лирико-исповедальный, а потому и эмоционально-напряженный характер “Римского дневника” определяется востребованностью в нем тех глубинных пластов сознания поэта-мыслителя, которые составляют стержневое основание его глубокой укорененности в установлениях христианской веры», – отмечает В.В. Кулыгина [5, с. 11].

Далеко не случайными поэтому выглядят новозаветные образы, сюжеты, мотивы и реминисценции «Римского дневника», вписанные в общую атмосферу литургического времени, определяющую внутреннюю доминанту цикла³.

² Вполне понятно, что составляя в конце своей жизни последний, охватывающий все его поэтическое творчество сборник стихов «Свет Вечерний», Иванов включил в него и «Римский дневник 1944 года». В названии сборника угадывается постигаемый в конце жизни символический образ Бога Христа. Как свидетельствует его близкий друг и биограф О. Дешарт, поэт заимствует его из молитвы мученика Афиногена, «которую Иванов с детства любил: “Свете тихий, святая славы Бессмертного Отца Небесного, Святого, Блаженного, Иисусе Христе. Пришедше на запад солнца, видевши свет вечерний, поем ...”» (см.: Дешарт О. Введение // Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1979. Т. I. С. 7–207 [3]).

³ Как известно, в это же время Иванов работает по заказу иезуитов из Папского Восточного Института и Руссикума над комментариями к Новому завету, которые получили наибольшее распространение в виде анонимных примечаний (http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2011/03/deyaniya_i_poslaniya_apostolov_otkrovenie_1946.pdf). Они уже были предметом рассмотрения (см.: Архипов А. Вячеслав Иванов – комментатор Нового Завета. Предварительные соображения // *Europa Orientalis*. 2002. № 21.1. С. 39–94). Эти комментарии в минимальной степени несут на себе отпечаток мифопоэтического мировоззрения и тем более лирических интуиций Иванова, будучи сухими пояснениями к тем или иным строкам Библии. В «Римском дневнике» явлен прежде всего лирический и лирико-философский дискурс, отражающий эмоционально-личностное воспроизведение новозаветных сюжетов, связанных с апостолами, что

Как отмечает А.Б. Шишкин, стихи, входящие в него, отличает «образ высокого неба, освещенного закатным светом, - символ достижения дней зрелой старости, преддверия последнего пути, с высоты которых можно видеть события и вещи проще, в чем то отрешеннее, иногда с мягкой иронией или полушутливо-полусерьезно, иногда с чувством правильности сделанного в прошлом выбора, верности своему прошедшему, с мудрым знанием, что история редко говорит свое последнее слово и что в жизни явление часто скрывает, вырачивает внутри себя свою противоположность» [6, с. 524].

Несмотря на наличие в «Римском дневнике» временных пластов разного порядка – хронологически-реального, повседневно-бытового, календарного, зодиакально-астрологического, все они в художественно-философском пространстве цикла соотносятся прямо или косвенно с временем литургическим, с литургическим кругом христианского календаря. Литургический дискурс, преобладающий в поэтическом творчестве Вяч. Иванова, здесь оттенен не только открытой непосредственностью лирического высказывания, что отвечает свойствам дневникового жанра⁴, но и проникновенной доверительностью поэтического слова, его лирико-исповедальной интонацией, практически не встречавшейся ранее у поэта. И это закономерно: «литературный дневник с такими его свойствами, как интимность, камерность, более всего подходит для выражения скрытых (и скрываемых) душевных потребностей. Он сродни церковной исповеди или психоанализу» [8, с.19]. Как отмечает Р. Бёрд, говоря о «Римском дневнике», «текст уже не мозаика общекультурных реминисценций, а автопортрет на фоне родного пейзажа и в окружении множества знаков личной памяти» [9, с. 185].

Приметы «церковной исповеди», знаки «личной памяти» характерны для евангельского текста «Римского дневника». Как в творчестве петербургских и московских лет, здесь наблюдается прямое цитирование, эпитафьи, реминисценции и аллюзии, при этом так же «библейский текст» имеет разную установку: «он может выступать в качестве руководящей, доминантной мысли стихотворения, мотивировать его авторский поэтический аналог, являться фоном лирического сюжета, на котором поэт развивает собственные идеи и лирические признания»⁵. При этом важно помнить, что «приблизиться к особенному строю и стилю Евангелия, творению эллинского гения, столь отличному от восточной пышности Ветхого Завета, к строгости и простоте новозаветной поэтики – задача для поэта труднейшая. Обращение к Евангелию возможно лишь в особенные минуты творчества, и оно в высшей степени ответственно: здесь

и определяет специфику дневниковой записи. Это совершенно иной вариант ивановской экзегезы, глубоко личностный, не ограниченный формальными требованиями, предписанными Иванову, а потому в наибольшей степени отражающий его поэтическое сознание.

⁴ См.: Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М.: Водолей Publishers, 2007. С. 45 [7].

⁵ См.: Ставинога Е. «Библейский текст» в творчестве Вячеслава Иванова // ROSSICA LUBLINENSIA. 2002. VOL. II. С. 96–108 [10].

проверяется и религиозная зрелость, и ум, и вкус, и душевная тонкость»⁶. Таким образом, новозаветные реминисценции, аллюзии, порой прямые цитаты играют в ивановском тексте определяющую роль, возводя его к главному творческому принципу поэта: «От Бога в сердце к Богу в небе / Струной протянутая ось / Поет “да будет” Отчей воле ...» [12, с. 500].

Все эти качества поэтической личности Вяч. Иванова зримо присутствуют на страницах «Римского дневника». Здесь важно не просто аналитически констатировать наличие евангельских мотивов и реминисценций, но раскрыть их обостренно-личную приближенность авторскому сознанию, душевную утепленность лирической рефлексии и ее образно-поэтическое своеобразие. Метафизическое ощущение соприсутствия поэта в новозаветном пространстве наполняет преобладающий в «Римском дневнике 1944 года» литургический код эмоционально-личным переживанием, в котором исчезает дистанция между *realia–realiora* – ее заполняет авторский голос, «напрямую» входящий в евангельский текст и превращающий его в лирическое настоящее взволнованным обращением к новозаветным лицам и событиям.

Наиболее показательным в этом отношении является стихотворение, помеченное 29 декабря, которое воспроизводит картину явления воскресшего Христа ученикам при море Тивериадском, заданную эпитафией-ссылкой: «Ев. От Иоанна, 21, 7-12»⁷. Таким образом, эпитафия лишь обозначает этот евангельский сюжет, он «выступает в роли претекста»⁸, тогда как Вяч. Иванов воссоздает описанную евангелистом реальность встречи воскресшего Христа с учениками. Особая природа этой лирической миниатюры определяется начальным эмоциональным всплеском, обращенным к «персонажу» этой сцены: «Порывистый, простосердечный, / Ты мил, мне, Петр!»⁹. Именно взволнованный голос лирического героя заставляет воспринимать этот текст как личное, проникновенное переживание евангельского события. При этом важно обратить внимание на то, как непосредственное восклицание автора/героя, характерное для жанра лирического дневника, соединяется здесь с переложением евангельского сюжета, воссоздающего хронотоп этого текста как религиозно-мистическую реальность, т.е. именно как *явь*, отозвавшуюся так сильно в душе поэта:

... Там Иисус уж разложил
Костер, и ждет огонь улова.
О том, что было с Ним, ни слова:
Он жив, как прежде с ними жил [13, с. 644].

⁶ См.: Романов Б. Христос в русской поэзии // Христос в русской поэзии XVII–XX вв. Стихи. М.: Ключ, 1996. С. 21 [11].

⁷ См.: Иванов В.И. Римский дневник 1944 года. // Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 644 [13].

⁸ См.: Федотова С. Поэтология Вячеслава Иванова. Тамбов: ТОГАУ ДПО, 2012. С. 231 [14].

⁹ См.: Иванов В.И. Римский дневник 1944 года. // Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. С. 644.

Анализ этого стихотворения в связи с его эпиграфом предпринят С.В. Федотовой¹⁰, однако при всем глубоком прочтении исследовательницей этого текста и перспективных выводах следовало бы акцентировать в нем важный нюанс, небезразличный к образу ивановского Петра с характерными свойствами его личности. «Ты мил, мне, Петр!» – «мил» еще и потому, что трижды отрекшийся от Христа и глубоко раскаявшийся в этом, Петр все-таки вернул себе Его любовь вместе с апостольским достоинством. Вяч. Иванов, во многом пересмотревший свои заблуждения башенного периода, о чем он написал в своей «Палинодии»¹¹ и особенно в «Римском дневнике» («... А после ткач узорных слов / Я стал, и плоти раб греховной, / И в ересь темную волхвов / Был ввержен гордостью духовной» [13, с. 629]), не мог не ощущать свою личную близость Петру, сознавая некое дальнейшее человеческое родство его и своей природы в превратностях и обретениях жизненной судьбы. Их роднил опыт покаяния.

Прямой коммуникативный жест отличает стихотворение, помеченное датой 23 сентября и обращенное к апостолу Павлу, роль и значение которого в истории христианской Церкви и в среде апостолов высоки и исключительны: ему принадлежат четырнадцать посланий, вошедших в канонический состав Библии. Текст стихотворения воспроизводит эпизод из Деяний святых апостолов: фанатичный гонитель христиан Савл с отрядом своих людей на пути в Дамаск, «дыша угрозами и убийством на учеников Господа» (Деян. 9:1), вдруг ощутил нестерпимый для глаз свет, нисходящий с неба, из-за чего он ослеп. «Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! Что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна» (Деян. 9:4-5).

Сюжетная ситуация стихотворения сосредоточена на кульминационном моменте борьбы старой и новой веры в человеческой душе: «Ты, Савл, свирепый бык, ярился / Противу Павлова рожна...» [16, с. 631]. «Развязка» этой борьбы явилась одновременно и *развязкой* судьбы Савла/Павла:

Ты на пути к вратам Дамаска
Не от чужих ослеп лучей:
В тебе свершилась развязка
Борьбы твоей, судьбы твоей... [13, с. 631].

Вяч. Иванов предельно заостряет жесткую напряженность этого эпизода. Он не показывает выход из катарсического события, не говорит о дальнейшем

¹⁰ См.: Федотова С. Поэтология Вячеслава Иванова. С. 231–234.

¹¹ «Недолжное упрощение – видеть его (Иванова. – Н.Д.) чересчур неизменным, не ощущать покаянных нот, скажем, его “Палинодии”» [2, с. 783]. Об «отречении от Диониса» в 1930 г. писал И.Н. Голенищев-Кутузов (см.: Голенищев-Кутузов И.Н. От Рильке до Волошина: Журналистика и литературная критика эмигрантских лет / сост., подгот. текста, предисл. И.Н. Голенищевой-Кутузовой. М.: Русский путь, 2005. С. 187–191 [15]).

прозрении Савла и превращении его в провозвестника Христовой веры, о чем повествуют Деяния. Напротив, он акцентирует обрушившиеся на Савла страдания, как будто являясь их очевидцем: «...И ныне роженицей стонешь, / В дорожной корчишься пыли...». Лирический сюжет стихотворения обрывается на словах Христа, обращенных к Савлу, оставляя за текстом дальнейшую перспективу апостольской жизни: «Откуда голос? – “Что ты гонишь, / О Савл, меня с моей земли?”» [13, с. 631].

Иисус у Вяч. Иванова произносит евангельский текст почти буквально, добавляя лишь одно слово – «с *моей* земли». «*Моей*» – это признание Иисусом своего действительного пребывания в пространстве, где свершилась Его великая жертва¹². В связи с этим напомним известный доклад Вяч. Иванова о евангельском смысле слова «земля», прочитанный им в мае 1909 г. на заседании Христианской секции Религиозно-философского общества в Петербурге¹³. Как показывает В.В. Петров, доклад этот не является в строгом смысле филологическим или богословским исследованием значений лексемы «земля» в Евангелиях – «этот сложный, многослойный текст решает другие задачи»¹⁴, однако С.С. Аверинцев отмечал его немаловажное значение для понимания религиозно-философского умозрения поэта¹⁵. В этом докладе Вяч. Иванов по-своему интерпретирует слова евангелиста Иоанна: «Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле» (Ин. 8:8). Интерпретация Вяч. Иванова имеет значение «вкладывания» Христом в Землю своего логоса: «Он вписал в Землю Свой новый завет ей, начертал на ней знак Своего обета...» [18, с. 79]¹⁶. Вполне возможно, что именно этот смысл и отзывается в строках «Что ты гонишь, / О Савл, меня с моей земли?».

Как известно, крестившись, обратившись в христианство, Савл прославился под именем апостола Павла, пламенного проповедника христианского учения, имевшего опыт Богообщения в Духе. Став ключевой фигурой Новозаветной истории, «Павел положил границу, отделяющую Ветхий Завет от Вести Христа, обращенной ко всему миру. Павел сам говорил, что воспринятая им суть Благой Вести не *от людей*, для него она не есть Предание или Писание, но получена им

¹² «Видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1: 29).

¹³ См.: Иванов Вяч. Евангельский смысл слова «земля» // Иванов Вяч. Доклад «Евангельский смысл слова “земля”». Письма. Автобиография (1926) / публ., вступ. ст. и коммент. Г.В. Обатнина / Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб.: Пушкинский Дом, 1994 [16].

¹⁴ См.: Петров В.В. Доктринальное содержание и источники доклада Вяч. Иванова «Евангельский смысл слова “земля”» // Литературный факт. 2018. № 7. С. 259 [17].

¹⁵ См.: Аверинцев С.С. Вяч. Иванов как истолкователь Евангелия // Символ: журнал христианской культуры. № 53–54. Париж-Москва. 2008. С. 785

¹⁶ И.П. Ивлев считает, что «в Ин. 8:8 буквальное прочтение “в землю” отнюдь не исключается, ибо считается общепризнанным, что греческий язык Иоанна всегда точен» (см.: Ивлев И.П. Вяч. Иванов и евангельский смысл слова «земля» (Ин. 8:8) // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 441 [19]).

непосредственно от Христа через Откровение»¹⁷. Действительно, в послании Павла к Галатам читаем: «Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа» (Гал. 1:11–12). Именно об Откровении, переведенном на проникновенное слово поэта, говорится трепещущему в священном ужасе Савлу: «В твоём Он сердце водворился; / Душа несла Его, нежна...» [16, с. 631].

В христианской парадигме осмысливается в цикле феномен жизни как путь к Богу. Разработка связанного с этим одного из ведущих мотивов «Римского дневника» намечена в стихотворении от 8 января, где описывается базилика, которую Вяч. Иванов с семьёй посещает по выходным:

В стенах, ограде римской славы,
На Авентине, мой приход –
Базилика игумна Саввы,
Что Освященным Русь зовет [13, с. 587].

Далеко не случайно здесь базилика San Saba, названная в честь сирийского священника, основателя монастыря и многих обителей в Палестине, обозначена именем игумна Саввы. Как известно, Савва Освященный (439–532) – христианский святой, основатель знаменитой лавры близ Иерусалима, создатель Иерусалимского устава, используемого по настоящее время в Православных церквях, назван Освященным, будучи монахом, был возведен в сан священника¹⁸. Память о Преподобном Савве совершается в Православной церкви 18 декабря. Имя этого святого закрепилось в русских народных приметах: «Савва дорогу салит, ледяные настилы стелет, гвозди вострит»¹⁹. Мысль об издревле почитаемом на Руси святом была, по-видимому, дорога поэту, и он, верный своей русской природе, в двух поэтических строках словно закрепляет за собой русское звучание католической базилики. Уже в этой детали просматривается то установление, по которому он принял католическую веру, – не «перешел в католичество», как многие считали, а присоединился к «Церкви Петра» путем особого обряда, чтобы, по его словам, «дышать обоими легкими»²⁰. Таким образом, базилика San Saba, названная Вяч. Ивановым русским именем святого, передает специфику христианского сознания Вяч. Иванова.

¹⁷ См.: Владимирова А. Апостолы: гностико-эллинистские истоки христианства. М.: Беловодье, 2003. С. 181 [20].

¹⁸ См.: Палестинский патерик. Житие преподобного Саввы Освященного. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. 271 с. [21].

¹⁹ См.: Русский дом. Универсальный свод календарей / сост. З.И. Бармина. Н. Новгород, 1994. С. 180 [22].

²⁰ См.: Письмо В.И. Иванова к Дю Босу от 15 октября 1930 г. // Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1979. С. 429 [23]. Вопрос о присоединении поэта к католицизму глубоко проанализирован в статье А.Б. Шишкина «“Россия” и “Вселенская церковь” в формуле Вл. Соловьёва и Вяч. Иванова (см.: Шишкин А.Б. «Россия» и

Христианский храм «в ограде римской славы», построенный на основании римского языческого святилища, описывается с живописной выразительностью: «Сень подпирают кораблей / Из капищ взятые колонны; / Узорчьем цветных камней / По мрамору пестрят амвоны; / В апсиде агнцы...» [13, с. 587]. Поэтически воссозданный здесь образ прихода перекликается с его описанием, воспроизведенным дочерью поэта Лидией Ивановой: «Базилика Сан Саба – наш приход <...> Она венчает холм Малого Авентина <...> Четыре корабля на грандиозных колоннах из мрамора и гранита, огромная апсида, пол из старинной мозаики» [27, с. 259]. Но гораздо важнее не столько описание храма, сколько то, что храм вписан Вяч. Ивановым в религиозно-философское осмысление и связывается поэтом с историей христианства в ее временном воплощении, а также с жизненным путем христианина, и в конечном итоге – с дорогой к Богу:

...Мил убор
Твоих, о Рим, святилищ дряхлых!
Как бы меж кипарисов чахлых
Он чрез века уводит взор
Тропой прямой, тропую тесной, –
Пройденной родом христиан... [13, с. 587].

Нетрудно заметить здесь скрытую цитату, отсылающую к Евангелию от Матфея: «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф 7: 4). Вяч. Иванов стилистически верен евангельскому тексту, но добавляет еще один эпитет: тропой *прямой*, подчеркивая этим единственный, не сгибающийся в сторону путь к Богу. И еще: «Немногие находят их», – говорит Евангелист, имея в виду «врата» и «путь», путь к Божественной Истине. У Вяч. Иванова на этой *тесной тропе* уже множество последователей святого Саввы, покинувших сирийские пределы: «Пришел с пустынных плоскогорий / Сонм саваитов, сириян, / С причастной Чашей для мирян; / Им церковь дал святой Григорий...» [13, с. 587]. Это тоже страница из истории храма: базилика уже в конце VI века была передана папой Григорием Великим сирийско-палестинским монахам, выходцам из монастыря Св. Саввы в Кедронской долине в Иудее. Папа Григорий I Великий (540–604), давший возможность молиться и исповедоваться христианам, бежавшим в Рим от их гонителей, впо-

«Вселенская церковь» в формуле Вл. Соловьёва и Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: материалы междунар. науч. конф. 9–11 сентября 2002 г. / под ред. В.Е. Багно и др. Томск-Москва: Водолей, 2003. С. 159–178 [24]). См. также: Аверинцев С.С. «Скворешни вольных граждан...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетей, 2001. С. 107–109 [25]. Есть и другая точка зрения на этот факт: «...понимая решение поэта на фоне всей сложности его эмигрантской жизни, вероотступничество все-таки стоит считать именно вероотступничеством» [26, с. 637]. Автор, однако, считает, что Вяч. Иванов обрел истинность веры, создавая свое итоговое произведение – «Повесть о Светомире царевиче».

следствии был причислен к лику святых. И опять же он одинаково почитаем и в католичестве, и в православной традиции, где за ним закреплено имя «Двоеслов» (по названию одного из его трудов – «Диалоги», или «Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души»²¹).

Но вернемся к тексту стихотворения. Взгляд поэта устремляется далее: от древних развалин римского святилища «он чрез века уводит взор...». Ивановская оптика уже *над* историей: «чудесной тропой» прошел и идет весь христианский мир, образуя соборное единение во Христе, и эта *тропа* уводит к начальной истории христианства: «... И все в дали тропы чудесной / Идут Петр, Яков, Иоанн» [13, с. 587]. Петр, Яков (Иаков), Иоанн – имена апостолов, стоящих у истоков христианской веры, именно они были свидетелями Преображения Христа: «По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его и возвел их на гору высокую одних, и преобразился перед ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф.17: 1-2). Эти заключительные строки воскрешают память о Божественной Эпифании: они становятся своеобразной «кодой» этого стихотворения, а все его содержание начинает звучать как торжество Всемирного Христианства.

Таким образом, страница поэтического дневника, начавшаяся с описания храма, биографически близкого автору («на Авентине мой приход» [13, с. 587]), по мере развития лирического сюжета насыщается христианскими приметами и аллюзиями, обретая свойства сакрального текста: в него входит Вечность, время и пространство преобразуются в эонотопос. Этот термин, предложенный В. Лепяхиным, выражает специфику текстов, отмеченных христианским пониманием человека и мира: «Время не существует, не воспринимается и не изображается вне сопричастности вечности, а пространство можно скорее назвать внепространственностью. <...> При этом эонотопос связан прежде всего с вечностью в ее христианском понимании, поэтому основной принцип эонотопа – иконичность пространства и времени» [28, с. 291], т. е. иконическое время – это иконообраз вечности, воплотившаяся вечность.

Можно сказать, что эта страница «Римского дневника» за пределами лирического сюжета, в над-текстовом пространстве, бросает свет на духовный портрет его создателя на фоне эонотопоса. Автобиографические детали ясно об этом говорят («на Авентине мой приход»), и биографическая данность органично переходит в утверждение истории христианского единения, воплощающего нераздельные ветви двух конфессий. Характерно, что стихотворение приурочено именно к празднику Богоявления (Мф., 2: 1–12), который отмечается января в католической традиции, а в православии 6 (18) января празднуется

²¹ В книге дан диалог двух собеседников – вопрошающего (субдиако́н Петр) и отвечающего (Григорий). Само же название «Двоеслов» является неверным переводом греческого Διάλογος, что в оригинале означает «Беседа» (или «Диалог»).

Крещение, поэтому в лирическом сюжете присутствуют неотменимые святыне церковного календаря, одинаково чтимые обеими церквями.

Таким образом, вынашиваемая Вяч. Ивановым излюбленная мысль о воссоединении исторически разошедшихся двух христианских конфессий, двух путей к Богу в одну общую христианскую «тропу», которую провидит поэт, находит в этом стихотворении сокровенно-выразительное разрешение. Такое направление лирического сюжета задано уже предисловием к основному тексту «Римского дневника», названным *Via Sacra*: именно под знаком «Священной Дороги», переосмысленной в христианском ключе, располагается содержательный ряд «Римского дневника».

Рассмотренные «апостольские» страницы «Римского дневника 1944 года» Вяч. Иванова говорят не только о том, насколько актуальным для поэта, заканчивающего свой жизненный и творческий путь, был и оставался опыт постижения новозаветных текстов. Эти стихи свидетельствуют, насколько «родной и вселенской» была его лирическая исповедь, как внутренне близок был ему мир христианских идей и чувств, входящих, как «незыблемые светлы» [13, с. 620] в его повседневность. В свое время С. Аверинцев писал о «личностном характере новозаветной мифологии»²². Можно сказать, Вяч. Иванов в «Римском дневнике 1944 года» как никто это почувствовал и передал в стихах с апостольскими сюжетами.

Список литературы

1. Измайлов Р.Р. «Богословский текст» в русской поэзии второй половины XX века // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 89–124.
2. Аверинцев С.С. Вяч. Иванов как истолкователь Евангелия // Символ: журнал христианской культуры. № 53–54. Париж; М., 2008. С. 781–790.
3. Дешарт О. Введение // Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1979. С. 7–227.
4. Иванов В.И. Письмо III. М.О. Гершензону // Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов / подгот. текста, примеч., статья Р. Бёрда. М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. С. 15–20.
5. Кулыгина В.В. Принципы лирической циклизации в творчестве Вяч. Иванова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново: ИвГУ, 2009. 17 с.
6. Шишкин А. Вячеслав Иванов и Италия // Archivio italo-russo. Русско-итальянский архив: в 3 кн. Кн. I / Acuradi Daniela Rizzie Andrei Shishkin. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche Storiche, 1997. С. 503–562.
7. Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М.: Водолей, 2007. 262 с.
8. Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра: исследование. М.: Флинта-Наука, 2003. 350 с.

²² См.: Аверинцев С.С. Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 1 / под ред. И.С. Брагинского. М.: Наука, 1983. С. 506 [29].

9. Бёрд Р. Обряд и миф в поздней лирике Вяч. Иванова (О стихотворении «Ми́лы сретенские свечи») // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: материалы междунар. науч. конф. 9–11 сентября 2002 г. / под ред. В.Е. Багно. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 179–193.
10. Ставиного Е. «Библиейский текст» в творчестве Вячеслава Иванова // ROSSICA LUBLINENSIA. 2002. VOL. II. S. 96–109.
11. Романов Б. Христос в русской поэзии // Христос в русской поэзии XVII–XX вв. Стихи. М.: Ключ, 1996. С. 5–70.
12. Иванов В.И. Ли́ра и ось // Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1979. С. 499–500.
13. Иванов В.И. Римский дневник 1944 года // Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1979. С. 583–644.
14. Федотова С. Поэтология Вячеслава Иванова. Тамбов: ТОГАУ ДПО, 2012. 293 с.
15. Голенищев-Кутузов И.Н. От Рильке до Волошина: Журналистика и литературная критика эмигрантских лет / сост., подгот. текста, предисл. И.Н. Голенищевой-Кутузовой. М.: Русский путь, 2005. 335 с.
16. Иванов Вяч. Доклад «Евангельский смысл слова “земля”» // Иванов Вяч. Доклад «Евангельский смысл слова “земля”». Письма. Автобиография (1926) / публ., вступ. ст. и коммент. Г.В. Обатнина / Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб.: Пушкинский Дом, 1994. С. 142–170.
17. Петров В.В. Доктринальное содержание и источники доклада Вяч. Иванова «Евангельский смысл слова “земля”» // Литературный факт. 2018. № 7. С. 257–286.
18. Иванов Вяч. Евангельский смысл слова «земля» / подгот. текста, коммент. О. Фетищенко // Символ: журнал христианской культуры. № 53–54. Париж; М., 2008. С. 68–84.
19. Ивлев И.П. Вяч. Иванов и евангельский смысл слова «земля» (Ин. 8:8) // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 541–548.
20. Владимирова А. Апостолы: гностико-эллинистские истоки христианства. М.: Беловодье, 2003. 582 с.
21. Палестинский патерик. Житие преподобного Саввы Освященного. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. 271 с.
22. Русский дом. Универсальный свод календарей / сост. З.И. Бармина. Н. Новгород, 1994. 240 с.
23. Письмо В.И. Иванова к Дю Босу от 15 октября 1930 г. // Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1979. С. 419–432.
24. Шишкин А.Б. «Россия» и «Вселенская церковь» в формуле Вл. Соловьёва и Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: материалы междунар. науч. конф. 9–11 сентября 2002 г. / под ред. В.Е. Багно и др. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 159–178.
25. Аверинцев С.С. «Скворещниц вольных граждан...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2001. 167 с.
26. Кошемчук Т.А. Русская поэзия в контексте православной культуры. СПб.: Наука, 2006. 639 с.
27. Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. М.: РИК КУЛЬТУРА, 1992. 429 с.
28. Лепахин В. Икона и иконичность. СПб.: Издание Успенского подворья Оптиной Пустыни, 2002. 400 с.
29. Аверинцев С.С. Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 1 / под ред. И.С. Брагинского. М.: Наука, 1983. С. 501–515.

References

(Sources)

Collected Works

1. Deshart, O. Vvedenie [Introduction], in Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected works in 4 vol., vol. 1]. Bryussel', 1979, pp. 7–227.
2. Ivanov, V.I. Lira i os' [Lyre and axis], in Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected works in 4 vol., vol. 3]. Bryussel', 1971, pp. 499–500.
3. Ivanov, V.I. Rimskiy dnevnik 1944. Dekabr' [Roman diary of 1944. December], in Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected works in 4 vol., vol. 3]. Bryussel', 1971, pp. 583–644.
4. *Palestinskiy paterik. Zhitie prepodobnogo Savvy Osvyashchennogo* [Palestinian Pateric. Life of St. Sava Consecrated]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 1996. 271 p.
5. Pis'mo V.I. Ivanova k Dyuu Bosu ot 15 oktyabrya 1930 g. [Letter from V.I. Ivanov to Du Bosu dated October 15, 1930], in Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected works in 4 vol., vol. 3]. Bryussel', 1979, pp. 419–432.
6. Shishkin, A. Vyacheslav Ivanov i Italiya [Vyacheslav Ivanov and Italy], in *Russko-ital'yanskiy arkhiv v 3 kn., kn. 1* [Russian-Italian Archive in 3 book, book 1]. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1997, pp. 503–562.

Individual Works

7. Ivanov, V.I. Pis'mo III. M.O. Gershenzonu [Letter III. To M.O. Gershenzon], in Ivanov, Vyach., Gershenzon, M.O. *Perepiska iz dvukh uglov* [Correspondence of their from two corners]. Moscow: Vodoley; Progress-Pleyada, 2006, pp. 15–20.
8. Ivanov, Vyach. Doklad «Evangel'skiy smysl slova “zemlya”». Pis'ma. Avtobiografiya (1926) [Report “The Gospel Meaning of word “Earth””. Letters. Autobiography (1926)], in *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1991 god.* Saint-Petersburg: Pushkinskiy Dom, 1994, pp. 142–170.
9. Ivanov, Vyach. Evangel'skiy smysl slova «zemlya» [Gospel meaning of word “Earth”], in *Simvol: zhurnal khristianskoy kul'tury*, 2008, no. 53–54, pp. 68–84.
10. Ivanova, L. *Vospominaniya: Kniga ob otse* [Memories. The book about father]. Moscow: RIK KUL'TURA, 1992. 429 p.

(Articles from Scientific Journals)

11. Averintsev, S.S. Vyach. Ivanov kak istolkovatel' Evangel'iya [Vyach. Ivanov as an interpreter of Gospel], in *Simvol: zhurnal khristianskoy kul'tury*, 2008, no. 53–54, pp. 781–790.
12. Izmaylov, R.R. «Bogoslovskiy tekst» v russkoy poezii vtoroy poloviny XX veka [“Theological text” in Russian poetry of the second half of the XX century], in *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*, 2013, vol. 13, issue 3, pp. 89–124.
13. Petrov, V.V. Doktrinal'noe sodержanie i istochniki doklada Vyach. Ivanova «Evangel'skiy smysl slova “zemlya”» [Doctrinal content and sources of report of Vyach. Ivanov “The gospel meaning of the word “land””], in *Literaturnyy fakt*, 2018, no. 7, pp. 257–286.
14. Stavinoga, E. «Bibleyskiy tekst» v tvorchestve Vyacheslava Ivanova [«Biblical text» in work by Vyacheslav Ivanov], in *ROSSICA LUBLINENSIA*, 2002, vol. II, pp. 96–109.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

15. Averintsev, S.S. Istoki i razvitie rannekhristsianskoy literatury [Origins and development of early Christian literature], in *Istoriya vsemirnoy literatury v 9 t., t. 1* [History of World literature in 9 vol., vol. 1]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 501–515.
16. Berd, R. Obryad i mif v pozdney lirike Vyach. Ivanova (O stikhotvorenii «Mily sretenskie svechi») [Rite and myth in late lyrics by Vyach. Ivanov (About the poem “Darling Sretensky Candles”)], in *Vyacheslav Ivanov – Peterburg – mirovaya kul'tura: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy*

konferentsii 9–11 sentyabrya 2002 g. [Vyacheslav Ivanov – Petersburg – World culture: Materials of the International Scientific Conference on September 9–11, 2002]. Tomsk; Moscow: Vodoley, 2003, pp. 179–193.

17. Ivlev, I.P. Vyach. Ivanov i evangel'skiy smysl slova «zemlya» (In. 8: 8) [Vyach. Ivanov and Gospel meaning of the word "Earth" (In. 8:8)], in *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniya i materialy, Vyp. 1.* Saint-Petersburg: Pushkinskiy Dom, 2010, pp. 541–548.

18. Romanov, B. Khristos v russkoy poezii [Christ in Russian poetry], in *Khristos v russkoy poezii XVII–XX vv. Stikhi* [Christ in Russian poetry XVII–XX century. Poems]. Moscow: Klyuch, 1996, pp. 5–70.

19. Shishkin, A.B. «Rossiya» i «Vselenskaya tserkov'» v formule VI. Solov'eva i Vyach. Ivanova ["Russia" and "Ecumenical Church" in the formula of VI. Solovyov and Vyach. Ivanov], in *Vyacheslav Ivanov – Peterburg – mirovaya kul'tura: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 9–11 sentyabrya 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov – Petersburg – World culture: Materials of the International Scientific Conference on September 9–11, 2002]. Tomsk-Moscow: Vodoley, 2003, pp. 159–178.

(Monographs)

20. Averintsev, S.S. «Skvoreshnits vol'nykh grazhdanin...» Vyacheslav Ivanov: put' poeta mezhdu mirami ["Squash free citizen..." Vyacheslav Ivanov: poet's way between a worlds]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2001. 167 p.

21. Barmina, Z.I. *Russkiy dom. Universal'nyy svod kalendarey* [Russian house. Universal Calendar Set]. Nizhniy Novgorod, 1994. 240 p.

22. Egorov, O.G. *Russkiy literaturnyy dnevnik XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra: Issledovanie* [Russian literary diary of XIX century. History and theory of genre: Research]. Moscow: Flinta-Nauka, 2003. 350 p.

23. Fedotova, S. *Poetologiya Vyacheslava Ivanova* [Poetology by Vyacheslav Ivanov]. Tambov: TOGAU DPO, 2012. 293 p.

24. Golenishchev-Kutuzov, I.N. *Ot Ril'ke do Voloshina: Zhurnalistsika i literaturnaya kritika emigrantskikh let* [From Ril'ke to Voloshin: Zhurnalism and literary criticism of emigrant years]. Moscow: Russkiy put', 2005. 335 p.

25. Koshemchuk, T.A. *Russkaya poeziya v kontekste pravoslavnoy kul'tury* [Russian poetry in the context of Orthodox culture]. Saint-Petersburg: Nauka, 2006. 639 p.

26. Lepakhin, V. *Ikona i ikonichnost'* [Icon and iconicity]. Saint-Petersburg: Izdanie Uspenskogo podvor'ya Optinoy Pustyni, 2002. 400 p.

27. Mikheev, M. *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX)* [Diary as ego text (Russia, XIX–XX)]. Moscow: Vodoley, 2007. 262 p.

28. Vladimirov, A. *Apostoly: gnostiko-ellinskie istoki khristianstva* [Apostles: Gnostic-Hellenic origins of Christianity]. Moscow: Belovod'e, 2003. 582 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

29. Kulygina, V.V. *Printsipy liricheskoy tsiklizatsii i tvorchestve Vyach. Ivanova.* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Principles of lyrical cyclization in the work by Vyach. Ivanov. Abstr. cand. philol. sci. diss.]. Ivanovo: IvGU, 2009. 17 p.